



К 200-летию
Института востоковедения РАН

VIII Международная
проблемно-методологическая конференция

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА:
проблемы перевода и интерпретации.**

31 октября – 2 ноября 2018 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва
ИВ РАН
2018

Ответственные редакторы выпуска
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Рецензенты:
д.ф.н. Н. И. Пригарина, д.и.н. Д. В. Микульский

VIII Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники востока: проблемы перевода и интерпретации». (К 200-летию Института востоковедения РАН). 31 октября – 2 ноября 2018 г. / Тезисы и конспекты докладов / Сост. Л.В. Горяева, В.Н. Настич. – М.: ИВ РАН, 2018. – 48 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-00000-000-0

Настоящий выпуск – продолжение изданного в 2017 г. сборника статей по докладам I–V ежегодных сессий проблемно-методологической конференции «Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации» (Москва, ИВ РАН), организованной в 2011 г. и проводимой сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока на базе постоянно действующего семинара «Текстология и источниковедение Востока».

The present issue is a sequel of selected papers delivered at the first five sessions of annual Conference "Written Monuments of the East: Problems of translation and interpretation" (Institute of Oriental Studies, Moscow), organized in 2011 on the base of the permanent Seminar "Textual Criticism and Source Study of the East" and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources.

© Институт востоковедения РАН, 2018

Содержание

| | | |
|-------------------------------------|---|----|
| Горяева Л.В., Настич В.Н. | От составителей | 5 |
| Амирбекян Р.И. (R.I. Amirbekyan) | Introduction to the Collection of Illuminated Arabic-Script Manuscripts from the Funds of Armenian Matenadaran | 7 |
| | Общая характеристика коллекции иллюминированных арабографических рукописей Матенадарана | 8 |
| Атманова Ю.Г. | Образ Йусуфа в могольской живописи: к проблеме прочтения изобразительного нарратива | 9 |
| Бабкова М.В. | Творчество Кокана Сирэна в контексте превращения чань-буддизма в дзэн-буддизм | 10 |
| Берзон Е.М. | Вавилонский царский список эллинистического времени как источник по истории Селевкидов | 11 |
| Бондарев А.В., Пригарина Н.И. | Загадки текстового оформления «Персидской миниатюры» из Музея-квартиры Л.Н. Гумилёва | 12 |
| Васильева Л.А. | Проблемы изучения наследия поэта — классика урду Мира Таки Мира | 13 |
| Введенская Э.И. | Диалог рукописей в драматургии агиографии: выдержки из произведений Рупы Госвами (драмы <i>Лалита-мадхава</i> и <i>Видагдха-мадхава</i>) в тексте <i>Чайтанья-чаритамриты</i> Кришнадаса Кавираджа Госвами | 14 |
| Гордиенко Е.В. | Структура и содержание вьетнамских повествований о духах — хранителях общин (<i>тхантыть</i>) на примере повествования об Иет Киеу | 16 |

| | | |
|---------------------------------------|---|----|
| Грунина Н.С. | Индийский прототип древнеяванского <i>кака-вина</i> « <i>Рамаяна</i> »: вопрос выбора источника, авторства и датировки древнеяванской поэмы | 17 |
| Денисова Т.А. | Имена и топонимы в судебных документах Лингги конца XIX – начала XX в. | 18 |
| Дьяконова Е.М. | Эстетические воззрения японцев. Архаические и новаторские представления о категории «красота» (<i>би, бирэй</i>) | 20 |
| Заглубоцкая Т.А. | Из литературной жизни эпохи Каджаров: о трёх поэтах города Керманшаха | 23 |
| Зайцев И.А. | К вопросу о классификации бирманских каменных надписей | 24 |
| Зенцев А.В. | Разведка в письменных памятниках Древнего Востока | 25 |
| Казакевич О.А. | Предчувствие любви и смерти в традиционных личных песнях западных эвенков | 26 |
| Качан С.А. | Образ Антиноя: синтез греко-римских и египетских религиозных представлений | 27 |
| Коровина Е.В. | Рапануйский песенный метр: опыт описания | 28 |
| Лахути Л.Г. | Рассказы о Йусуфе в поэмах- <i>маснави</i> 'Аттара | 29 |
| Лахути С.В. | Функции адресной части официального послания в <i>Шах-наме</i> Фирдоуси | 30 |
| Машхади Рафи А. (A. Mashhadi Rafi) | Application of Safavid Persian Epistolography Handbooks in Understanding the Documentation Traditions of Safavid Royal Councils | 31 |
| Машхади Рафи Ф. | Хлебниковское обращение к терминам и понятиям зороастрийского учения в стихотворении «Видите, персы, вот я иду...» | 32 |
| Микульский Д.В. | Легенды в <i>Кашф ал-гумма ал-джамии</i> 'ли-ахбар ал-умма | 33 |
| Полхов С.А. | Судебные тяжбы в княжестве Такэда (по материалам <i>Коёгункан</i>) | 34 |

| | | |
|--|--|----|
| Рейснер М.Л. | История Йусуфа: как складывался романтический нарратив | 35 |
| Саитбатталов И.Р., Саитбатталова Ю.А. | Толкования к одной седьмой части Корана работы башкирских богословов первой половины XIX века | 36 |
| Сахокия М.М. | Иранское риторическое наследие: Ахемениды и <i>Шах-наме</i> | 38 |
| Тимохин Д.М. | Сочинение Киракоса Гандзакеци «История» как предмет историографической дискуссии: происхождение и современное состояние. | 39 |
| Торопыгина М.В. | Средневековый японский гомункул в рассказе «О том, как Сайгё сделал человека в горах Коя» | 40 |
| Тюлина Е.В. | <i>Дхарма</i> и Царь дхармы (Яма) в древнем и средневековом вариантах «Сказания о Савитри» | 41 |
| Федорова Ю.Е. | Соотношение веры и знания: философский анализ Муртазы Мутаххари | 42 |
| Фролова М.В. | Яванские реалии XVII в. в <i>Роро Мендум</i> Аипа Росиди | 43 |
| Хайрутдинов А.Г. | Проект независимого перевода образов Корана на русский язык и его особенности | 44 |
| Чалисова Н.Ю. | «Пропавший Йусуф»: о формуле <i>yūsuf-i gumgašta</i> в персидской газели | 45 |
| Чеснокова Н.А. | «Пэктусанский большой ствол» <i>Пэку тэган</i> в корейских историко-географических сочинениях XVII–XVIII вв. | 46 |
| Эшотс Я. | Существовала ли «исфаганская школа»? | |
| Янковская А.А. | «Известия о Китае и об Индии» и не только: малайско-индонезийский регион в арабском источнике IX–X вв. | 47 |

От составителей

(текст)

...

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

R.I. Amirbekyan
(Dr. Ph.D. Arts History, Matenadaran, Yerevan, Armenia)

**Introduction to the Collection of Illuminated
Arabic-Script Manuscripts from the Funds
of Armenian Matenadaran**

The Mashtots Institute of Ancient Manuscripts [a.k.a. the “Matenadaran”] is known as one of the oldest and richest book repositories in the world. Concentrated in its holdings are, among other things, more than 17,000 manuscripts dating from the 5th to 19th centuries A.D. Along with Armenian codices which form the nucleus of the collection, manuscripts in Arabic, Persian, Pashto, Greek, Syriac, Latin, Ethiopian, Sanskrit, Hindi, Bengali, Japanese and other languages are also preserved.

There are two major groups of Oriental manuscripts that form the basis of the Matenadaran's Arabic-Script monuments collection: the first consists of a select collection of rare manuscripts in Eastern languages and diplomatic documents from the library of the Armenian *Katholikos* in Echmiadzin, and the second group came from the library of Moscow's Lazarev Institute of Oriental Languages, during the 1930s–1950s.

This collection subsequently expanded through the acquisition of manuscripts, either whole or in fragments; collected samples of single-paged calligraphy and miniature paintings; and archival documents.

Presently this collection is one of the world's most select and richest, not only by the number of units preserved, but also the importance of their historical significance and high level of artistic execution. Among them, which chronologically encompass the pe-

riods of the 8th to 19th centuries, are Qu'rans, both whole as well as fragments; Qur'anic exegeses; prayer books; works on philosophy, Sufism, mathematics, grammar, medicine, and astrology; as well as encyclopedias, dictionaries, textbooks, divination books, talismans, and copies of literary and poetical works.

The calligraphy, illumination and miniature painting of this collection demonstrate all of the most prominent calligraphic styles, the majority of which originated from various, renowned artistic “schools”. The Arabic-Persian collection of the Matenadaran is also embellished by manuscripts produced in Near East, Central Asia, Ottoman Turkey, Afghanistan and India.

(русский перевод)

Р.И. Амирбемян (Матенadaran, Армения)

Общая характеристика коллекции иллюминированных арабографических рукописей Матенадарана

Факт бережного хранения в лоне армянского национального хранилища манускриптов, Матенадаране, небольшой, но ценной по всем параметрам, предъявляемым к рукописным памятникам, коллекции арабографических рукописей и дипломатических документов является наглядным свидетельством и убедительной демонстрацией на новом витке развития истории нации современного понимания значения защиты, сохранения, изучения и публикации культурных ценностей, созданных народами во имя сохранения непрерывности интеллектуальной памяти человечества.

Исторические судьбы Ирана, Турции и других государственных образований Востока с древнейших времен протекали в тесном взаимодействии с Арменией, их взаимовлиянии и культурной диффузии в процессе развития философской мысли, поэзии, общности сюжетов произведений

словесности, естественно-научных и медицинских изысканий, всех видов искусств.

Во все годы существования Матенадарана арабиграфический фонд рукописей и архивных документов был и продолжает оставаться под пристальным вниманием сменяющих друг друга представителей поколений востоковедов Армении, России, Ирана, Афганистана, государств Средней Азии, США, и др.

Две группы восточных рукописей, переданные Матенадарану в 30х–50х гг. XX в., легли в основу указанного фонда: одна — из бывшего собрания Дивана Армянских Католиков в Эчмиадзине, другая — из библиотеки бывшего Лазаревского института восточных языков в Москве.

В последующие годы фонд расширялся и продолжает расти за счет приобретений манускриптов, фрагментов рукописных книг, коллекционных образцов каллиграфии и миниатюр на отдельных листах, дипломатики.

Хронология арабиграфической коллекции Матенадарана охватывает период с XIV до XIX в. Представленные в её составе Кораны, его фрагменты и толкования, молитвенники, труды по философии, суфизму, математике, грамматике, медицине, астрологии, энциклопедии, словари, учебники, гадательные книги, талисманы, а также списки литературных и поэтических произведений наглядно демонстрируют кодикологические особенности рукописей, изготовленных в пределах региона, объединенного культурной общностью на базе исламской конфессии — Ближнего Востока, Средней Азии, Османской Турции, Афганистана и Индии.

Ю.Г. Атманова (ИВ РАН)

Образ Йусуфа в могольской живописи: к проблеме прочтения изобразительного нарратива

Образ Йусуфа и повествование о нём занимают особое место в мусульманской культуре Средневековья и Нового времени. Наибольшую известность и признание в персоязычном мире получила поэма «Йусуф и Зулейха» ‘Абд ар-Рахмана Джамии (1483 г.). Благодаря именно этому произведению история Йусуфа обрела своё «окончательное», художественно оформленное визуальное воплощение.

До нашего времени, к сожалению, дошло не так много миниатюр с историей Йусуфа, вышедших из-под *калама* могольских придворных живописцев. Для визуального воспроизведения литературного источника могольские мастера отбирали, как правило, наиболее распространённые сюжеты, иконография которых в персидской и среднеазиатской миниатюре к тому времени, в общем-то, уже сложилась. Живописные листы с историей Йусуфа создавались для иллюстрирования не только поэмы Джамии, но и для *диванов* и *куллиййатов* известных персоязычных поэтов Индии. Сюжеты из истории Йусуфа могли также служить украшением искусно оформленных могольских альбомов — *муракка’*. Поскольку иллюстративная функция миниатюры в альбомах не была задействована, непосредственная связь с поэтическим текстом здесь утрачивалась. Однако связь эта достаточно легко восстанавливалась благодаря символике иконографического решения и содержанию самого сюжета живописной композиции. К тому же миниатюра с известным сюжетом из «жития»

Йусуфа, размещённая в *муракка'*, обладала потенциалом «аккумулировать» в себе и «транслировать» зрителю различные поэтические трактовки, религиозно-мистические интерпретации и коннотации, присущие художественной и философской традициям персоязычной культуры.

М.В. Бабкова (ИБ РАН)

Творчество Кокана Сирэна в контексте превращения чань-буддизма в дзэн-буддизм

Санскритское слово *дхьяна* (сосредоточение, созерцание), на китайском языке звучит как *чань* (禪), а на японском — как *дзэн*. В Китае оно дало название одному из самых влиятельных направлений буддизма, которое к рубежу XII-XIII вв. практически вытеснило все остальные. К этому же периоду относится всплеск активных заимствований Японией из Китая различных достижений. Японские буддийские монахи один за другим отправлялись в Китай, а китайские буддийские учителя в силу различных исторических обстоятельств оказывались при дворе японского государя. Поскольку все они воспринимали и продолжали китайскую традицию *чань*, то и в Японии новый, только что прибывший из-за моря, подход к Закону Будды, стал известен под тем же названием.

В докладе будут рассматриваться некоторые этапы процесса превращения китайского чань-буддизма в японский дзэн-буддизм и роль, которую сыграл в этом японский наставник Кокан Сирэн (1278–1346). Его кисти принадлежит первая в Японии буддийская хроника «Буддийские записи годов Гэнко» (元亨釈書, *Гэнко сякусё*), в которую вошли больше 400 жизнеописаний японских выдающихся монахов. Исследователи сходятся в высокой оценке вклада Кокана Сирэна в формирование последующей японской буддийской культуры, и внимательный взгляд на его наследие может позволить четче сформулировать, в чем именно этот вклад состоял.

Е.М. Берзон (МГУ им М.В. Ломоносова)

Вавилонский царский список эллинистического времени как источник по истории Селевкидов

В докладе предпринята попытка прокомментировать некоторые вопросы, связанные с прочтением и интерпретацией одного из важнейших клинописных позднеавилонских документов — Царского списка эллинистического времени (известного также как ВКЛНР или же “King List 6”). Автор рассматривает используемую в Вавилонском списке титулатуру представителей династии Селевкидов, а также формулировки о вступлении на престол или смерти того или иного царя, и полагает, что различие формул вступления на престол на обверсе и реверсе царского списка обуславливалась не столько смыслом, сколько длиной строки. Что же касается констатации смерти, то употребление в тексте глагола *šagāšu* (GAZ) зависело не от самого факта убийства правителя как такового; он используется только в тех случаях, когда царь был убит в результате некоего инцидента в ходе военной экспедиции за пределами своих владений. Также в докладе показывается, что слово *aplu*, выражаемое через знак А и чаще всего переводимое в «классических» текстах как ‘сын’, в селевкидское время приобретает более общее значение — ‘наследник’, который при этом не обязательно был сыном. Особенно характерным является употребление этого слова применительно к представителям династии. И именно так следует переводить этот знак и в Вавилонском царском списке эллинистического времени, что, в свою очередь, объясняет его употребление в 10-й строке реверса данного источника. В целом Вавилонский царский список эпохи эллинизма представляет собой

чрезвычайно важный источник, позволяющий прояснить многие вопросы хронологии и датировки правления Селевкидов, чего зачастую не может предоставить «классическая» нарративная традиция.

**А.В. Бондарев (Музей-квартира Л.Н. Гумилёва,
Санкт-Петербург), Н.И. Пригарина (ИВ РАН).**

**Загадки текстового оформления
«Персидской миниатюры» из Музей-квартиры
Л.Н. Гумилёва**

Предлагаемый доклад посвящён феномену «Персидской миниатюры» — одному из самых малоизученных, интересных и загадочных экспонатов Музей-квартиры Л.Н. Гумилёва на Коломенской улице в Санкт-Петербурге.

Внимание посетителей неизменно привлекает «Персидская миниатюра» на стене кабинета учёного. Впервые о ней упоминается в одном из писем А.А. Ахматовой сыну в лагерь (в начале апреля 1956 г.): *“Мне подарили персидскую миниатюру XVI века невообразимой красоты. Вокруг неё стихотворная надпись, кажется, позднейшая. Призванный для этого специалист прочел и перевел её”*. Подтекст этой фразы может быть понят, если вспомнить о стихотворении Н.С. Гумилёва «Персидская миниатюра»: «Когда я кончу наконец / Игру в *cache-cache* со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой». В условиях лагерной цензуры это сообщение содержало намёк, понятный им обоим. После возвращения сына из лагеря Ахматова подарила ему эту миниатюру.

Однако мы не имеем никаких документальных свидетельств, которые позволили бы понять, что это за предмет и какова его история, кто его даритель, какое значение имеет текст обрамления и в чем заключается символический смысл подарка. В докладе мы остановимся на проблеме текста и его связи с изображением.

Композиция обрамлена тремя рядами накладного орнамента: цветочный узор, вытянутые картуши с восточными письменами, мелкий геометрический узор. В надписях содержатся 24 поэтических фрагмента. Поскольку в надписях наиболее частотны представлены строки из поэмы Джами «Йусуф и Зулейха», чтение рамочного обрамления может быть соотнесено с фабулой поэмы. Последовательное прочтение 24 фрагментов дает связный текст. Таким образом, отмечается феномен возникновения нового нарратива, который вступает во взаимодействие с сюжетом миниатюры.

Если вспомнить о «специалисте» (им был, по имеющимся сведениям, А.Н. Болдырев), «призванном» для перевода текста, возникает и гипотетическая связь знакомства А.А. Ахматовой с содержанием стихотворного обрамления и дарением этой миниатюры сыну.

Л.А. Васильева (ИВ РАН)

**Проблемы изучения наследия поэта —
классика урду Мира Таки Мира**

Мир Таки Мир (1723–1810) — один из крупнейших поэтов урду, традиционно разделяющий с Галибом авторитет и любовь многих поколений носителей этого языка. Мир — один из наиболее плодovitых поэтов урду, которого называют «великим» на основании не только его непревзойденного поэтического мастерства, но и внушительного объема его литературного наследия. Мир отдавал предпочтение газели, и не случайно один из его титулов — «падишах газели». Именно в газели Мира творческая индивидуальность поэта нашла наиболее яркое выражение — тенденция, достигшая максимального расцвета в поэзии Галиба.

Огромный объём литературы о Мире составляют в абсолютном большинстве исследования на языке урду. Внимание, уделенное поэту западными учеными, далеко не соответствует значимости его творчества в контексте литературы урду. В отечественном же востоковедении изучение творчества Мира практически застыло на начальной стадии в минувшем веке, и продолжение его представляется весьма актуальным.

В докладе рассматриваются основные проблемы, встающие перед исследователем, такие как восстановление основных фактов биографии Мира, содержащиеся в многочисленных источниках, достоверность многих из которых до сих пор вызывает споры среди индийских и пакистанских ученых, принцип отбора газелей Мира для анализа и проблемы их перевода, связанные с особенностями языка поэта.

Э.И. Введенская (независимый исследователь)
**Диалог рукописей в драматургии агиографии:
выдержки из произведений Рупы Госвами
(драмы *Лалита-мадхава* и *Видагдха-мадхава*)
в тексте *Чайтанья-чаритамриты*
Кришнадаса Кавираджа Госвами**

Работа Кришнадаса Кавираджа Госвами *Чайтанья-чаритамрита* (нач. XVII в.) является одной из уникальных агиографий средневековой Индии. Это не только биографическое описание жития, но и теоретическое обоснование учения религиозного реформатора и общественного деятеля Чайтаньи Махапрабху (1486–1534). Изложенный на бенгали, или «санскритизированном» бенгали, данный труд включает в себя немалое количество санскритских стихов либо из канонических писаний, либо из авторских произведений предшественников и современников Кришнадаса Кавираджа. Все они приведены в бенгальском написании и узнаваемы благодаря как ссылкам в самом тексте *Чайтанья-чаритамриты*, так и комментариям просвещенных последователей Чайтаньи, дошедших до нашего времени.

Особое место в работе занимают цитаты из трудов Рупы Госвами *Лалита-мадхава* (1538) и *Видагдха-мадхава* (того же времени). Эти, драматические в своей основе, произведения не только обильно цитируемы, но сама история их создания и знакомства с публикой освещена в тексте агиографии, привлекая к себе внимание читателя некоторыми деталями, которые нельзя почерпнуть из других источников. Данные рукописи Рупы Госвами могут быть обнаружены (например, в архиве ИВ РАН) в виде санскритских драм, переданных бен-

гальским письмом, что, как мы увидим, имеет особый смысл в свете истории написания агиографии. Одной из целей Кришнадаса как автора агиографии было создание мультикультурного дискурса, а именно — связывание теоретической систематизации философских основ традиции Чайтаньи с эмоциональной практикой бенгальского *бхаджана*. Такой мост (или диалог) между санскритом и бенгали, между теорией и практикой учения, был особенно необходим не только с целью продолжения религиозно-философской традиции во времени, но и в качестве синергичного взаимного обогащения теории и практики.

Санскритские цитаты, введенные в бенгальский текст, становятся акцентирующими, связеобразующими и драматургически значимыми точками повествования, что, в свою очередь, меняет наше представление о драмах Рупы Госвами, а также выявляет и подчеркивает кульминационные вершины в обширной работе Кришнадаса Кавираджа Госвами. Выдержки из произведений Рупы Госвами, вплетённые в ткань данной агиографии, нередко используются как иллюстрация какого-либо значимого философского положения в тексте *Чайтанья-чаритамриты*, либо приводятся как доказательства правомочности мысли автора. В докладе обсуждается сама природа санскритских драм Рупы Госвами, предназначение которых раскрывается в тексте Кришнадаса Кавираджа в непривычном для исследователей санскритской драмы ракурсе.

Таким образом, в нашей работе перечисленные выше санскритские и бенгальские рукописи вступают в диалог (в полном соответствии с замыслом автора *Чайтанья-чаритамриты*) с тем, чтобы подчеркнуть архитектуру агиографии и помочь развитию драматургии религиозно-философской мысли Кришнадаса Кавираджа Госвами.

Е.В. Гордиенко (РГГУ)

**Структура и содержание вьетнамских повествований
о духах – хранителях общин (*тхантыть*)
на примере повествования об Иет Киеу**

Повествования о вьетнамских духах – покровителях общин (*тхантыть*, *thần tích*, 神蹟) – это житийные сочинения, содержащие предания о духах, традиционно почитаемых во Вьетнаме в рамках общинного культа. Одним из таких духов является участник войн сопротивления китайско-монгольским нашествиям (XIII в.) по имени Иет Киеу. Перевод и исследование текста показали, что повествование об Иет Киеу имеет сложную внутреннюю структуру, отражающую этапы формирования данного сочинения и жанра в целом. Нам удалось выделить внутри этого памятника четыре фрагмента, возникшие в разные эпохи и объединенные в единый текст в общинном списке памятника в 1938 г.:

1. Сюжет о волшебных способностях рыбака Иет Киеу – наиболее древний пласт текста, восходящий к фольклорной традиции (к преданию о почитаемом в провинции Хайзыонг торговце моллюсками).
2. Переосмысление фольклорного персонажа в качестве героя партизанского движения времен китайско-монгольских нашествий происходит в эпоху становления жанра *тхантыть* (XV–XVII вв.).
3. Предание о монгольской невесте Иет Киеу (дочери хана Хубилая) появляется в тексте, вероятно, уже во времена его редактирования в храмовой среде (XVIII–XIX вв.).
4. Сведениями о праздниках в честь Иет Киеу, ритуалах и жертвоприношениях текст дополняется в начале XX в.

Тхантыть об Иет Киеу исследуется в российской науке впервые. Его анализ необходим для изучения религиозных традиций Вьетнама, а также позволяет расширить круг источников для других вьетнамоведческих исследований (культурологических, исторических, филологических).

Н.С. Грунина (независимый исследователь)

**Индийский прототип древнеяванского *какавина*
Рамаяна: вопрос выбора источника, авторства
и датировки древнеяванской поэмы**

Яванцы, как одни из представителей «старых народов» по определению В.И. Брагинского, очень рано смогли сформировать местную литературную традицию на древнеяванском языке или *кави*. Локальный язык вскоре полностью вытеснил санскрит. История о Раме нашла на Яве своё воплощение в великолепном храмовом комплексе Прамбанан на Центральной Яве и в литературном наследии яванцев, в первую очередь, в древнеяванском *какавине* (поэме) *Рамаяна*.

Обычно структура *какавина* предполагает наличие пролога (*мангалы*) или эпилога, которые могут пролить свет на фигуру автора или дать сведения о времени и месте создания произведения. Однако в древнеяванской *Рамаяне* нет ни *мангалы*, ни эпилога, которые могли бы помочь в решении вышеуказанных вопросов. Поэтому единственным способом ответить на вопрос времени и авторства произведения остаётся языковой анализ текста. Если сравнивать древнеяванский *какавин* с другими версиями повествований о Раме, бытовавших на территории Нусантары: «Сказанием о Сери Раме» на малайском языке, *Рама Келинг*, *Серат Канда* на новояванском языке, а также с лаконами (пьесами) театра теней *ваянг*, можно прийти к выводу о том, что автор древнеяванской поэмы пользовался совершенно другим источником.

С одной стороны, очень сильно сходство между древнеяванской *Рамаяной* и оригинальной версией Вальмики. Одна-

ко же такие исследователи, как Х. Керн, В. Стюттерхейм, в силу позже обнаруженных расхождений с оригиналом ставили под сомнение тот факт, что непосредственно текст Вальмики стал источником для древнеяванской поэмы. В частности, Х. Керн предполагал, что автор, скорее всего, не знал санскрита, поэтому должен был существовать какой-то текст, который бы стал посредником.

Индийские исследователи Химанс Бхусан Саркар и Маномохан Гхош. Оба они обнаружили удивительное сходство восьми строф древнеяванского *какавина* с классической санскритской поэмой VI–VII вв. *Раванавадхой* («Смерть Раваны»), более известной как *Бхаттикавья*. Однако найденное сходство только восьми строф было довольно хрупким основанием для того, чтобы утверждать связь между индийской поэмой и древнеяванским *какавином*. Дальнейшие исследования были суммированы в работе К. Хоойкааса, подтвердившего предположение Р.Н. Пурбачараки об уникальном положении древнеяванской *Рамаяны* и назвавшего поэму *адикакавином*, то есть изначальным, главным *какавином*.

Т.А. Денисова (ИБ РАН)

**Имена и топонимы в судебных документах Лингги
конца XIX – начала XX в.**

Коллекция документов шари'атского суда Лингги (Mahkamah Syariah Kerajaan Lingga), хранящаяся в местном музее административного центра Даик (о-в Лингга, совр. Индонезия) представляет собой собрание судебных вердиктов, касающихся разных видов торговых актов, финансовых обязательств и имущественных споров. В коллекции около 350 документов, написанных на малайском языке графикой *джави* и относящихся к началу XX в. (1905–1908 гг.).

Данное собрание представляет особый научный интерес, поскольку ненарративные исторические источники, касающиеся экономической деятельности и судебно-правовой системы Малайско-индонезийского архипелага редко становились предметом академического исследования. В российской малаистике это совершенно неисследованная область.

Дипломатический анализ документов позволяет выявить общий формуляр документов, применяемый в делопроизводстве шари'атского суда Лингги, в частности персоналии участников процесса: имена истцов и ответчиков, имена свидетелей, членов судейской коллегии, привлеченных экспертов и прочих заинтересованных лиц.

Антропонимический анализ документов выявил следующие группы имен, которые классифицируются как по этноконфессиональному признаку, так и по форме и составу имени:

Уровень 1. Этно-конфессиональный

- Малайские мусульманские имена собственные;
- Малайские имена немусульманского происхождения;
- Китайские имена;
- Индийские (тамильские) имена;
- Европейские имена.

Уровень 2. Форма имени

- Официальное имя, включающее титулатуру, звание и пр.;
- Полное имя без титула и званий;
- Сокращенные имена;
- Прозвища.

Уровень 3. Составные части имени

- Личное имя;
- Фамильное имя;
- Клановое имя;
- Имя с элементами топонимики.

Анализ ономастики позволяет реконструировать социальный состав населения Лингги конца XIX начала XX в., в том числе этно-религиозную принадлежность местных жителей.

Особый интерес представляет исследование топонимических элементов в антропонимике, которое дает возможность установить региональное происхождение людей и подтвердить наличие определенных миграционных явлений внутри архипелага.

Е.М. Дьяконова (РГГУ)

**Эстетические воззрения японцев.
Архаические и новаторские представления
о категории «красота» (би, бирэй)**

В связи с открытием страны и широким знакомством с западной культурой интеллектуалы эпохи Мэйдзи (1868–1912), столкнулись с необходимостью осмысления и перевода важных понятий европейской культуры, отсутствующих в японских словарях. Формирование понятия «искусство» (*бидзюцу* 美術) в западном смысле этого слова происходило в эпоху Мэйдзи, когда само понятие «красота» 美 (*би*) подверглось в японском контексте интерпретации, как в традиционном, так и в современном смысле. Писатель и литературный критик Кобаяси Хидэо (1902–1983) писал в 1942 г., что до периода Мэйдзи японцы остро ощущали красоту цветов вишни, но у них не было универсальной концепции красоты. Об отсутствии универсального понятия «красота», о распадении его в японской традиции на отдельные представления: 哀れ *аварэ*, 雅 *мияби*, 幽玄 *ю:гэн*, 侘び *ваби*, 寂び *саби*, 風流 *фу:рю:*, 意気 *ики*, 渋み *сibuми* писали многие европейские и японские авторы, например, Стив Один.

Приведём в пример некоторые из средневековых эстетических представлений. Точных определений рассмотренных ниже понятий не существует, они, как и другие представления, возникшие в Японии в средневековье, расплывчаты, плохо формулируются, но ясно ощущаются. Перевести их одним словом невозможно. Европейское сознание требует ясной логики, четких формулировок, а японское, скорее, погру-

жает свои понятия в тень, относится к ним более потаённо, интимно. Отсюда множество интерпретаций, с одной стороны, с другой — отсутствие каких бы то ни было пояснений, кроме метафорически-загадочных.

物の哀れ

Моно-но аварэ — буквально «очарование вещей». Понятие, пронизавшее всю историю классической словесности, сложилось к X в. Хорошо восстанавливаются из синхронных средневековых текстов: прозы, стихов, эссе. Понятие «вещи» нужно в данном случае толковать расширительно: «вещи» — это не только «предметы этого мира», но и «чувства людей», и «сами люди». *Аварэ* — «печальное очарование», возникающее при взгляде на «вещи мира», главное свойство которых — бренность и изменчивость. Печальное очарование вещей связано во многом с осознанием бренности, мимолетности жизни с её ненадёжной, временной природой. Если бы жизнь не была так мимолётна, то в ней не было бы очарования, — так написала в XI в. знаменитая писательница. *Моно-но аварэ* связано ещё и с необычайной чувствительностью, которая культивировалась в классическую эпоху Хэйан (IX–XII вв.), умением улавливать тончайшие токи жизни. Одна поэтесса писала, что слышит шуршание крови, бегущей по её жилам, слышит, как опадают лепестки сакуры.

Аварэ означало возглас, передаваемый междометием «ах!», затем приобрело значение «очарование». Другие авторы считают *аварэ* ритуальным возгласом: «*аварэ!*» — так вскрикивали в важнейшие моменты действ и представлений древней Японии.

寂び侘び

Саби/ваби. *Саби* — понятие средневековой эстетики, может быть описано как печаль одиночества, бедность, пресность,

слабость, безмятежность, тень, приглушенность на грани исчезновения красок и звуков, отрешенность. Все эти определения приблизительно описывают круг значений, но не раскрывают его полностью. Слово это встречается ещё в VIII в. в первой поэтической антологии японцев «Собрание мириад листьев» (*Манъёсю*). Поэт Фудзивара-но Тосинари в XII веке уже использовал это слово. В одном его пятистишии-*танка* есть образ: «замёрзший чахлый тростник на морском берегу», который считается ранним воплощением *саби*. Однако эстетика *саби* в её нынешнем виде создана была в XVII в. поэтом *хайку* Мацуо Басё и его учениками. Так и хочется написать, что они сформулировали принципы этой эстетики, но это не так: скорее они умели навеять ощущение одиночества, печали, отрешённости от мирской суеты в духе философии дзэн-буддизма. Оказала влияние и философия отшельничества, удаления от мира, одинокой аскетичной жизни в горах, бедной, но внутренне сосредоточенной, но и эта внятная философия не всё объясняет. Ничего определённого сказано или записано не было — в этом и состоит загадка поэтики *саби/ваби*. Когда у поэта Мацуо Басё спросили, что такое *саби*, он ответил, что представляет себе старого человека, надевающего парадные одежды, чтобы отправится во дворец. Басё никогда не давал четких определений, он изъяснялся метафорически, роняя загадочные фразы, полные скрытых смыслов, которые затем его ученики интерпретировали. *Саби* трудно уловить, в него нельзя ткнуть пальцем, оно скорее разлито в воздухе. *Саби* иногда описывается как «красота древности». *Ваби* — это другая сторона *саби*, — я бы выбрала слово «опрощение» для его описания. Если нанизывать определения, то подойдут слова ‘бедность’, ‘скромность’, ‘скудость’ (в том числе и скудость слов для изображения чего-либо), ‘пресность’, одиночество странника в пути, тишина, в которой слышны редкие звуки — капли, падающие в чан с водой.

Отсутствие пафоса, сознательный примитивизм — это тоже *ваби*. Отчасти определения *ваби* совпадают с определением *саби*, с другой стороны — это разные вещи, эти понятия дwoятся. В чайной церемонии, например, саби отчасти воплощено в понятии *нарэ* ‘патина, следы времени’.

慣れ

Нарэ — патина, следы времени. В рамках эстетики *нарэ* ценится, например, камень нефрит, в глубине которого содержится легкая муть, густой тусклый блеск, «как будто в глубине его застыл кусок старинного воздуха», как писал Танидзаки Дзюньитиро. В этой системе координат прозрачность хрустала не ценится — ясность, блеск не располагают к мечтательности. Японская бумага, которую делают ручным способом в деревнях, также не блестит, её рыхлая поверхность мягко поглощает лучи света «подобно пушистой поверхности рыхлого снега». Налет древности, патина, темнота сгустившегося времени воплощены в темной — черной и темно-красной — лаковой посуде. Ценится то, что «имеет глубинную тень, а не поверхностную ясность». *Нарэ* — лёгкая засаленность вещей: посуды, мебели, одежды — происходит от того, что её часто трогают руками, и от них остается слабый налёт жира, который, впитываясь, создаёт особую теплоту, мутность. Тусклый глянец посуды, мутный темный цвет японского мармелада *ёкан*, воспетый чудесным писателем Нацумэ Сосэки в его воспоминаниях о детстве «Изголовье из травы», в полутемных помещениях японских ресторанов навевают именно то ощущение наслоений темноты, которого и добивается искусный художник.

Т.А. Заглубоцкая (ИВ РАН)

**Из литературной жизни эпохи Каджаров:
о трёх поэтах города Керманшаха**

Доклад посвящен антологии (*тазкире*) *Хадикат аш-шу'ара* «Сад поэтов», отражающей панораму культурной жизни Ирана эпохи Каджаров. Автор *тазкире*, купец Саид Ахмад Диванбиги Ширази, объездил по купеческим делам множество городов, побывал в Тегеране, Исфагане, Йезде, Фарсе, Ширазе, Нихаванде, Казвине, Куме, Бехбехане, Хорасане, Кермане, Керманшахе, Тебризе и др. Испытывая сильную тягу к наукам и поэзии, в каждом из своих многочисленных путешествий он старался знакомиться с выдающимися поэтами, учёными, суфиями, и всегда делал заметки, в которых пересказывал услышанные от них истории и стихи. В конце жизни он составил из этих заметок *тазкире*, в которую, в частности, входят краткие жизнеописания и образцы произведений около 1440 поэтов XIX века.

В докладе рассказывается о главах, посвящённых литературной жизни Керманшаха в последней четверти XIX столетия.

И.А. Зайцев (ИСАА МГУ)

К вопросу о классификации бирманских каменных надписей

Настоящее исследование построено на анализе источников, принадлежащих к нескольким текстуально-смысловым группам: дарственные надписи; инвентарные списки; надписи, отражающие восхваление правителя; сведения о демаркации земель; надписи, свидетельствующие о купле продажи движимого и недвижимого имущества; декларации прав на участок земли. Рассмотренные источники расположены в районах современных городов Тэда У, Ньяун У и деревни Миннанту.

Классификация документов проводилась по двум главным критериям: предполагаемое время составления и информационно-содержательный признак.

По предполагаемому времени составления надписи делятся на оригиналы и копии. Такая классификация источников впервые была предложена французским исследователем Ш. Дюрузелем.

По информационно-содержательному признаку выделяются простые и сложные надписи. Данная терминология была предложена отечественным востоковедом Д.В. Деопиком.

В настоящем исследовании мы считаем необходимым расширить уже существующую классификацию источников по информационно-содержательному признаку и добавить ещё одну категорию документов — компилятивные надписи.

Компилятивная надпись — это особая категория эпиграфических источников, составленная на базе нескольких надписей или рукописей, содержащих информацию о дарениях религиозным учреждениям, совершенным со значительным временным промежутком. К выделению компилятивных надписей в отдельную категорию подталкивает то обстоятельство, что надписи этого вида, в ряде случаев, не имеют известных оригиналов, и, в то же время, часто встречаются в виде рукописей. Вероятно, целью создания таких документов являлась демонстрация провенанса владения той или иной землей и механическое соединение различных документов в рамках одного архива.

А.В. Зенцев (независимый исследователь)

Разведка в письменных памятниках Древнего Востока

В докладе на основе анализа письменных источников Древнего Востока (*Артхашастры* Каутильи, «Трактата о военном искусстве» Сунь-Цзы и «Шести секретных учений» Тайгуна) обобщается исторический опыт деятельности государств по организации разведки, который, по мнению автора, должен учитываться при государственном и военном строительстве, использоваться для расширения общего и военного кругозора, а также способствовать более глубокому пониманию современных процессов, связанных с шпионскими скандалами во многих государствах мира.

Исследование данных источников показало, что в государствах Древнего Востока существовала стройная система разведывательной деятельности, игравшая большую роль в управлении государством. Шпионами были пронизаны все структуры древнего общества, что позволяло главе государства иметь оперативную информацию обо всем, что происходило в стране и за её пределами. Источники свидетельствуют, что в административном аппарате государства были чиновники, отвечающие за разведывательную деятельность. Шпионы действовали на чужой территории под прикрытием, проникали в органы государственного и военного управления. Были определены методы, способы вербовки и категории чиновников, которые привлекались к сотрудничеству.

Авторская классификация категорий тайных агентов показывает, что последние активно воздействовали на положение дел в неприятельской стране: организовывали заговоры,

убийства, провокации, диверсии, восстания; распространяли ложные слухи; расстраивали вражеские коалиции; разжигали рознь между различными группировками знати. Для добывания разведывательных сведений подбирались специальные подготовленные лица.

Исследование показало, что в государствах Древнего Востока были выработаны принципы руководства агентами, а к организатору разведки предъявлялись особые требования.

О.А. Казакевич (НИВЦ МГУ; ИЯ РАН; ИЛ РГГУ)

**Предчувствие любви и смерти
в традиционных личных песнях западных эвенков**

Песенная культура эвенков давно привлекает внимание исследователей. Первые публикации традиционных эвенкийских песен относятся к началу 20 века (*Hut G. Tungusische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute. SPb, 1901*). Первая аудиофиксация эвенкийских песен была сделана с помощью фонографа Л.Я. Штернбергом в 1910 г. С тех пор издан ряд монографий, посвященных эвенкийской песне, как традиционной, так и современной. Однако текстов традиционных эвенкийских песен опубликовано не так уж много. Регулярно издаваемые с 1930-х годов сборники эвенкийских песен отражают по преимуществу «новую волну» — песни, созданные под влиянием отчасти русской, отчасти мировой традиции поп-музыки. Именно такие песни нам время от времени доводилось записывать в последнее двадцатилетие у западных эвенков. Две песни, о которых пойдет речь в докладе, представляют собой редкое исключение. Они были записаны в 1999 году в с. Туруханск от Марии Федоровны Безруких (Курматовой), 80-летней эвенкийки из заполярного посёлка Советская Речка. По жанру это традиционные личные песни, но не самой исполнительницы, а её старших родственников. Первая — это песня юной девушки, мечтающей о встрече с неведомым пока избранником, вторая — песня старика, предчувствующего скорую кончину. Анализу текстов этих песен в сопоставлении с песнями соседних сибирских народов, а также рассказу о личности исполнительницы будет посвящён доклад.

С.А. Качан (независимый исследователь)

Образ Антиноя: синтез греко-римских и египетских религиозных представлений

Культ бога Осириса-Антиноя был установлен в Египте (в основном в Фиваиде) в середине II в. по приказу императора Адриана в честь своего фаворита — Антиноя. Теология и образ «нового» бога зафиксированы в иероглифических текстах обелиска Барберини. На основе данного памятника будет рассмотрено, какие черты включал в себя образ Осириса-Антиноя, позволявшие сопоставить его с императором, какие возможные эллинистические влияния оказали воздействия на теологию «нового» бога. Также автор предлагает новое прочтение некоторых частей текста обелиска Барберини. Антиной выступал в Хоровом образе «юноши с прекрасным лицом <...> силе радуется сердце его, как и крепости обеих (его) рук» (ḥwn nfr...pḥ.tj ršw jb.f mj ꜥnj gb3.wy) [IIa], который перекликается с эпитетом ḥwn ꜥnj — сильный юноша (WB III. P. 53.15.b), характерным в греко-римское время для покойного царя. Эпитет Антиноя ḥsj ('почтенный') переплетается с образом Хора, контаминированного с Аполлоном и Осирисом, а также идеальным героем, и означал *deus*, *theos* и *daimon* (*nekudaimon*), в которых превращался Антиной: (jrj.n.f ḥrg.w nb.w p3 jb.f) «Делал он всякие образы (свои) сердцем своим». Это представление перекликается с греческой идеей превращения людей в богов. Мы предлагаем читать (IIIa) как (jw gn.ś jw gn.f (pw) n ꜥn.w...) «имя её и его — силачи...», что дает основание предполагать, что в Антиновых играх принимали участие и юноши, и девушки.

Е.В. Коровина (ИЯ РАН)

Рапануйский песенный метр: опыт описания

Полинезийские песенные метры документированы достаточно хорошо. Наиболее полно в этом отношении изучен маорийский метр, так для песен *vaiata* Б. Биггс показал, что строка этих песен может быть разделена на два полустишия, по восемь *мор* каждая. Для других полинезийских традиций подобный анализ был проделан, в частности, А.В. Козьминым. Так, им было показано, что в прочих традициях песенные метры сильно отличаются по степени расшатанности от наиболее строгого маорийского или тонганского до значительно менее упорядоченного рапануйского. В ходе дальнейших исследований было установлено, что степень упорядоченности рапануйского метра значительно различается в зависимости от жанра, также существенно различается и средняя длина строки. Жанрами с наиболее длинной строкой являются *ате* и *хаипоипо*, а с наиболее короткой — *ронгоронго* и *кау*. Следует отметить, что выделение строки в песенных текстах не всегда тривиально, так при сравнении текстов песен с её нотной записью в ряде случаев есть основания предполагать, что деление на строки при публикации было сделано до некоторой степени произвольно. Предметом настоящего доклада будет анализ таких случаев, а также попытка формализации описания рапануйской песенной традиции, описание соотношения музыки и текста с точки зрения лингвистического стиховедения.

Л.Г. Лахути (ИВ РАН, РГГУ)

Рассказы о Йусуфе в поэмах-маснави 'Аттара

В докладе показано, как в суфийских поэмах-маснави Фарид ад-дина 'Аттара (XII–XIII вв.) использованы возможности, которыми наделила персидскую поэзию история прекрасного и праведного Йусуфа. Рассматриваются метафоры, сравнения и аллюзии, намекающие на некоторые узловые элементы рассказов о Йусуфе, и контексты, в которые они встроены; показано, как они используются персонажами поэм 'Аттара в качестве аргумента для оправдания собственной позиции или опровержения позиции собеседника. Также показано, как сюжеты, связанные с Йусуфом, в том числе заимствованные из «Историй пророков» (встреча Йусуфа и Йа'куба, встреча Йусуфа с братьями, развитие коранического рассказа о Йусуфе и Зулайхе и др.), служат для 'Аттара средством выражения идей, которым посвящены соответствующие главы его поэм.

С.В. Лахути (РГГУ, ИВ РАН)

Функции адресной части официального послания в *Шах-наме* Фирдоуси

В докладе обсуждаются функции адресной части посланий, включенных в текст поэмы Абулькасима Фирдоуси *Шах-наме*, а также корреляции адресной части — *унвана* — с содержанием послания. Всего в поэме около 300 письменных и устных посланий, в общей сложности они составляют около 10000 попарно рифмованных строк, т.е. около 10% от всего текста поэмы. По большей части эти послания направляются и получаются представителями высшего сословия — правителями стран и вельможами. Структурно они составлены в русле доисламской персидской эпистолярной традиции, а отчасти и наследовавшей ей арабо-персидской. Кроме того, в поэме описывается коммуникативный контекст послания — как материальный (физические свойства послания), так и содержательный — обстоятельства его создания, коммуникативное намерение адресата и т.п. В коммуникативный контекст послания входит и *унван*. Функцию *унвана* можно сравнить с функцией адреса на конверте современного письма или адресной части официального заявления: он указывает, кто и кому пишет. В *Шах-наме* такие указания с прагматической точки зрения излишни, так как читатель всегда получают необходимую информацию из контекста, однако для тринадцати посланий *Шах-наме* *унваны* приводятся. Их функции и стали темой исследования.

A. Mashhadi Rafi

(Shahid Beheshti University & Iranology Foundation)

Application of Safavid Persian Epistolography Handbooks in Understanding the Documentation Traditions of Safavid Royal Councils

One of the sources, which could potentially be applied in reconstruction of textual content and critical analysis of non-textual features of a Persian historical document, is the Epistolography manuscripts. Such Epistolographies, which have been catalogued mostly in Persian manuscript collections under some formal titles i.e. *Monša'āt* (منشآت) or *Tarassol* (ترسل), include a series of useful patterns regarding writing the official letters of the royal court as well as some additional sections on the principles of Epistolary Art and other conventional writing systems employed in official documents.

In other words, Epistolography manuscripts could be considered mostly as the handbooks, which were prepared aiming to regulate documentation affairs of the royal court by means of instructing the established epistolary principles.

During the reign of Safavid dynasty (1501-1722), by considering the increased need of a bureaucratic system, in which a huge number of writers, administrative assistants, and scribes were working on documentation affairs, the art of Epistolary reached a notable level of perfection and such handbooks were prepared, compiled and inscribed mostly in form of pocket manuscripts by the noble bureaucratic officials aiming to instruct the inferior novice writers and scribes.

The object of this research is to suggest a series of methods for application of the Epistolography manuscripts in understanding the documentation traditions, bureaucratic structure and positions of the Safavid Royal Councils.

Ф. Машхади Рафи (ННГУ им. Лобачевского)

**Хлебниковское обращение
к терминам и понятиям зороастрийского учения
в стихотворении «Видите, персы, вот я иду...»**

Нам уже известно увлечение Велимира Хлебникова Заратуштрой, древнеиранским пророком и реформатором. Оно было настолько сильным, что русский поэт считал Заратуштру «своим духовным пра-двойником», так как его учение Хлебников находил чрезвычайно близким своим прогрессивным, революционным идеям и мыслям. Что касается появления такого ощущения у русского поэта, то особый подход Заратуштры к судьбе человечества и миру, выражающий «уверенность в возможности осуществления вековой мечты человечества о приходе Эры разделения Добра от Зла и об окончательной победе Добра», во многом перекликался с главной мечтой всей жизни Хлебникова: «мечтой о будущем человека, о бесклассовом обществе без порабощения человека человеком, о мире всеобщего равенства и свободы». Можно сказать, что именно это ощущение стало основным стимулом для создания стихотворения «Видите, персы, вот я иду...» (1920), одного из так называемых иранских стихотворений Хлебникова.

С одной точки зрения, данное стихотворение можно рассматривать как краткое содержание изречений Заратуштры, так называемых Гат, так как оно содержит основные темы всех целых пяти гат: гата Ахунаваирйа, гата Уштаваити, гата Спента Маинью, гата Вохухшатра, гата Вахиштоишти. Ис-

пользование в нём основных терминов и понятий зороастрийского учения, с одной стороны, показывает конкретным адресатам, которыми — как явствует из названия стихотворения — являются персы (иранцы), своё глубокое понимание учения Заратуштры, а с другой стороны, сохраняя свой исконный смысл, одновременно служит для Хлебникова средством выражения собственных мыслей о революции.

Д.В. Микульский (ИБ РАН)

Легенды в *Кашф ал-гумма ал-джами' ли-ахбар ал-умма*

Сочинение оманского учёного XVIII в. Сархана б. Са'ида Ибн Сархана Амбу'али *Кашф ал-гумма ал-джами' ли-ахбар ал-умма* «[Книга], рассеивающая печаль, где собраны сведения по [истории мусульманской] общины», содержит уникальную информацию по истории Омана. Помимо этого, автор, сторонник 'ибадизма (одного из направлений хариджизма), даёт интересную интерпретацию всемирной истории, а также истории мусульманской общины с начала её зарождения и истории хариджитских группировок, действовавших в различных частях арабо-мусульманского мира.

Ярким элементом повествования в исследуемом памятнике являются три легенды. Все они, как представляется автору этих строк, носят этиологический характер (иными словами, объясняют происхождение того или иного явления или начала некоего исторического процесса).

Первая из этих легенд объясняет появление идолопоклонства, которое, как полагает Сархан Амбу'али, зародилось по дьявольскому наущению и вытеснило первоначальный монотеизм. Скорее всего, эта легенда имеет сугубо книжное происхождение.

Вторая легенда повествует о заселении Омана арабами и судьбе первых арабских правителей этой страны.

Третья же легенда, также относящаяся к ранней истории Омана, повествует о появлении в Омане последователей ислама (в этой легенде, подобно первой, присутствует элемент сверхъестественного).

Вторая и третья легенды, отмечающие ключевые пункты истории родины Амбу'али, восходят, скорее всего, к оманскому фольклору.

Таким образом, даже эти немногочисленные материалы, отобранные из прочего массива повествований, содержащихся в *Кашф ал-гумма...*, показывают органическую связь памятника как с книжной, так и с фольклорной традициями. Впрочем, думается, что это можно было бы сказать практически о любом историческом сочинении, относящемся к сфере традиционной историографии — как на Востоке, так и на Западе.

С.А. Полхов (ИВ РАН)

**Судебные тяжбы в княжестве Такэда
(по материалам *Коёгункан*)**

Материалы *Коёгункан* — источника, причисляемого с оговорками к *гунки моногатари* («военным повестям») и окончательно сформировавшегося к началу XVII в., серьезно дополняют сведения документов дома Такэда, в которых содержится мало информации, касающейся княжеского правосудия в период Сэнгоку («воюющих княжеств»).

Данные *Коёгункан* могут быть использованы не только для исследования судебной системы в уделе Такэда, но и для воссоздания представлений самураев о справедливом суде и законе в период Сэнгоку. В *Коёгункан* в основном рассказывается о суде даймё, и мало говорится о судебных прерогативах местных землевладельцев.

Тяжбы из-за умаления чести, описываемые в *Коёгункан*, не отражены в документальных источниках дома Такэда. Однако есть основания полагать, что подобные судебные разбирательства действительно происходили в уделе Такэда.

М.Л. Рейснер (ИСАА МГУ)

**История Йусуфа:
как складывался романический нарратив**

Превращение библейской и коранической истории Иосифа (Йусуфа) в «вечный сюжет» является ярким примером беллетризации, прошедшей несколько этапов. В изначальной версии предания заложены богатые возможности для литературных переработок, поскольку драматические повороты судьбы героя, кипевшие вокруг него страсти представляли идеальную основу для построения увлекательного сюжета. При всем различии результатов трансформации исходного рассказа в иудейской и мусульманской традиции можно уловить некоторые общие направления формирования нарративных структур.

На первом этапе в иудейской традиции основным источником расширения повествовательного горизонта выступали комментарии *Аггады*, популярного толкования нарративных частей Библии. Именно в рамках *Аггады* в рассказе об Иосифе появляются признаки логически выстроенного повествования, заполняющего логические «пустоты», разъясняющего события и мотивировки поступков героев. В *Аггаде* история начинает обрастать элементами чудесного, ставшими в последующих версиях постоянным атрибутом изложения.

В Коран, таким образом, вошло известное сказание, прошедшее первую стадию литературной обработки. Следующая ступень беллетризации уже в мусульманской экзегетике, в частности, в популярных сочинениях, объединенных общим названием «Истории пророков» (*Кисас ал-анбийа*), продолжи-

ла стратегию первого этапа. Развитие нарративной техники проявилось не только во включении в рассказ разъяснений логики событий и поведения персонажей, но и в добавлении новых эпизодов, повествующих о чудесах, а также в появлении чисто романических персонажей (например, няньки — наперсницы главной героини), введении диалогов. На этом фундаменте и слагаются поэмы, развивающие как перечисленные, так и иные способы построения романического нарратива.

И.Р. Саитбатталов, Ю.А. Саитбатталова
(Башкирский государственный университет, г. Уфа)

**Толкования к одной седьмой части Корана
работы башкирских богословов
первой половины XIX века¹**

Во второй половине XIX века, между 1859 и 1885 годами, в Казани было издано несколько сочинений, озаглавленных *Китаб-и шараф ма'аб Хафтийак тафсири турки тилинда* «Книга подражания благородному — толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке». В современных библиотечных каталогах и библиографических указателях они зачастую фигурируют под сокращённым названием *Хафтийак тафсири* «Толкование к одной седьмой части Корана» и без указания автора, что приводит к многочисленным неточностям в работах, посвящённых развитию мусульманской экзегетики в Урало-Поволжье, в частности, к тезисам о том, что все публикации с таким названием являются переизданиями одного труда или что основоположником мусульманской экзегезы в Урало-Поволжье Нового времени («татарского тафсира» в терминологии казанских исследователей) является интеллектуал Абу-н-Наср 'Абд ан-Насир ал-Курсави (1776–1812).

Анализ доступных нам изданий *Китаб-и шараф ма'аб...* 1859, 1885 и 1902 гг показал, что наиболее ранней как по времени первой публикации, так и по времени написания ра-

¹ Доклад подготовлен при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МК-5443.2018.6).

ботой является издание 1859 г., завершённое Бахадиршахом ибн Суйаргулом ал-Гайнави ал-Каджмакти в 1805 г. Толкование ал-Курсави было впервые издано в 1861 г., а в ходе последующих переизданий подвергалось серьёзным редакторским вмешательствам, так как автор по каким-то причинам во многих местах *тафсира* вписал слова из знаменитых толкований и, не переводя, оставил их на арабском. Третье издание 1885 г. вышло из-под пера суфийского поэта и историкографа Тадж ад-дина ибн Йалчигула (1867–1837) и было завершено около 1829 г. Согласно архивным (ревизские сказки за 1816–1850 гг.) и литературным (биографические труды Р. Фахр ад-дина и М. Рамзи) источникам, и Бахадиршах, и Тадж ад-дин были этническими башкирами, ассоциировали себя с клановыми структурами башкирского общества и входили в башкирские административные структуры.

Созданные ими *тафсиры* представляют собой «толкования на основе предания», однако различаются на всех уровнях. Композиционно работа Бахадиршаха представляет собой только пояснение к *сурам* и *аятам* без каких-либо дополнений, а работа Тадж ад-дина включает также предисловие на арабском, *kit'a* на тюркском, тюркоязычное разъяснение терминов «откровение», «сура», «аят», «*фатиха*». Оба автора включают в структуру своего толкования изложение причин ниспослания отдельных элементов откровения, однако Тадж ад-дин делает это более последовательно и развёрнуто, превращая их в самостоятельные сюжетные повествования. Также он уделяет больше внимания филологическому аспекту толкования и разъяснению различий в позициях богословов — предшественников. Оба богослова уделяют большое внимание описанию достоинств *сур* и *аятов*, однако Бахадиршах делает при этом упор на их использование в зикрах и других видах индивидуальной религиозной практики. В

языковом плане работа Тадж ад-дина написана более высоким стилем за счёт более активного использования огузских форм, арабских и персидских заимствований. В целом, оба текста обладают большими литературными достоинствами и заслуживают более пристального исследовательского внимания.

М.М. Сахокия (Институт востоковедения ТбГУ, Грузия)

**Иранское риторическое наследие:
Ахемениды и *Шах-наме***

Опыт работы над литературным переводом древнеперсидских ахеменидских надписей на грузинский язык показал определенную степень сходства их риторической традиции и средневекового персидского эпоса, поэмы Фирдоуси *Шах-наме*. В докладе отмечаются общие или схожие лексические единицы; функциональные словосочетания, синтагмы, морфосинтаксемы; а также наличие риторических кодов и правил, общих для памятников двух отдаленных во времени эпох. Их существование обеспечивает базу для художественного, литературного, поэтического перевода.

Феноменологическим фактом представляется художественно-идеологическая общность двух различных и отдаленных во времени эпох, сходная система риторических признаков, знаковых единиц; схожие парадигмы, образующие вертикальные ряды формул или системно повторяющихся семантических групп. Особо излюбленным риторическим приемом является повтор. В исследуемых текстах встречаются повторы различного характера, в том числе, в точности воспроизводимые. В докладе рассматриваются: 1) принцип использования кодовых повторов и формул в ахеменидских надписях и в *Шах-наме* в аналогичных контекстах; 2) устанавливаются культурологические контексты с идентичной риторической семантикой в ахеменидских текстах и в *Шах-наме* и схожие конкретные кодовые лексико-семантические понятия в них.

Поскольку существуют семантические и лексические параллели между ахеменидскими и сасанидскими надписями (Р. Шерво 1985), возникает возможность сопоставления культурно-идеологической общности трех эпохальных звеньев, которая отображена риторически в соответствующих текстах. Это позволяет говорить о преемственности риторической традиции в плане диахронии, передающей культурные и духовные ценности от эпохи к эпохе (даже при наличии определённого временного разрыва).

Д.М. Тимохин (ИБ РАН)

**Сочинение Киракоса Гандзакеци «История»
как предмет историографической дискуссии:
происхождение и современное состояние**

Труд Киракоса Гандзакеци «История» в силу обстоятельств, о которых будет сказано ниже, стал предметом историографической дискуссии. Эта дискуссия, возникшая ещё в советский период как научный спор между историческими школами Армении и Азербайджана), после распада Советского государства приобретает не только новые черты, но и вовлекает в себя часть отечественных исследователей. События периода распада СССР, а именно конфликт вокруг Нагорного Карабаха, лишь усилили конкуренцию между научными школами, увеличили объем исследований, прямо или косвенно затрагивающих этот исторический источник, и, наконец, включили его в состав гораздо более широкой дискуссии вокруг Кавказской Албании: её культуры, истории, письменности и конфессиональной принадлежности населения. В результате ожесточённой и бескомпромиссной «научной баталии» вокруг труда Киракоса Гандзакеци, отголоски которой видны и в отдельных современных российских исследованиях, мы наблюдаем две полярные биографии автора исторического источника и два взгляда на содержание и происхождение самого памятника.

Указанная историографическая дискуссия изначально касалась языка написания оригиналов отдельных памятников по истории Южного Кавказа в средние века, а также этнического происхождения их авторов. Речь шла, в частности, о та-

ких памятниках, как труды Моисея Каланкатуйского, Мхитара Гоша и Киракоса Гандзакеци, а также целого ряда других авторов. Узловыми моментами в рамках данной дискуссии будут, прежде всего, этническое происхождение автора, был ли он армянином или албанцем, и соответственно язык первоначального текста источника — армянский или албанский. Именно вокруг этих двух ключевых моментов и будет выстраиваться стратегия дискуссии между современными историческими школами Армении и Азербайджана. Если же постараться яснее сформулировать взаимные претензии обеих сторон, то нельзя не отметить, что данные исторические источники — лишь небольшая составляющая более значимой исторической дискуссии: присутствовали ли албанский этнос, религия и государственность на Южном Кавказе в средние века или же они были полностью арменизированы, и даже не перестали ли вообще существовать. Для отечественных кавказоведов понимание этой дискуссии сейчас кажется нам не менее важным, поскольку в своих работах по истории Южного Кавказа в средние века они вынуждены вольно или невольно принимать ту или иную сторону в данном вопросе. Со своей стороны, нам хотелось бы на примере сочинения Киракоса Гандзакеци лишь обозначить некоторые «болевые точки» данной дискуссии, максимально объективно рассмотреть доводы обеих сторон и выделить некоторые сложные вопросы, на которые, на наш взгляд, до сих пор не дано вразумительного ответа.

М.В. Торопыгина (ИБ РАН)

Средневековый японский гомункул в рассказе «О том, как Сайгё сделал человека в горах Коя»

Рассказ «О том, как Сайгё сделал человека в горах Коя» входит в сборник *сэцува* «Сэндзюсё», создание которого долгое время приписывалось знаменитому поэту буддийскому монаху Сайгё (1118–1190). Гипотеза об авторстве Сайгё сейчас отвергнута, составитель остается неизвестным, временем создания произведения считается вторая половина эпохи Какура, т.е. вторая половина XIII – первая половина XIV вв.

Сайгё превратился в легендарного героя почти сразу после смерти. Уже в середине XIII в. появилось произведение под названием *Сайгё моногатари эмаки*, объединившее основные легенды о нём.

Умение создать человека из частей/костей мёртвых людей – магия, которой владеют они (демоны). Собранный демоном «из лучших частей умерших людей» красавица появляется, например, в рассказе «Записки о Хасэо» периода Муромати (XIV–XVI вв.). Однако, как понятно из истории о Сайгё, этой магией владеют и люди. Сайгё не знает секрета во всех деталях, однако ему удастся сделать существо, похожее на человека.

В рассказе обращается внимание на ряд вопросов: почему возникает желание создать человека; наличие души как признак человека; что делать с получившимся неудачным существом, у которого нет души, но облик человеческий, можно ли его просто разломать, или это равносильно убий-

ству; овладение секретами магии; отказ героя от дальнейших попыток создать человека; сон как пространство общения с потусторонними силами.

Е.В. Тюлина (ИВ РАН)

***Дхарма и Царь дхармы (Яма)*
в древнем и средневековом вариантах
«Сказания о Савитри»**

Сказание о Савитри входит в состав III книги *Махабхараты* (Мхб III 277-283), памятника сер. I тыс. до н.э. Оно представляет самостоятельное произведение, не имеющее прямого отношения к основному повествованию *Махабхараты* и вставленного в него по типу так называемых «обрамлённых повестей». В *Матсья-пуране*, средневековом эпическом памятнике, среди других пересказов древних эпосов *Махабхараты* и *Рамаяны* есть и пересказ «Сказания о Савитри» (МП 208-213), что даёт возможность сравнить оба варианта и проследить динамику развития текста.

Центральное место в обоих вариантах занимает диалог героини сказания Савитри и царя мёртвых Ямы — своего рода словесный поединок, в котором победителем остается Савитри. Яма считался царём над царями и высшем знатоком *дхармы* (одним из его имён было «Царь дхармы»). Поэтому неслучайно диалог посвящён *дхарме*, и именно знанием *дхармы* Савитри побеждает царя мёртвых. Однако древний и средневековый варианты сказания основаны на совершенно непохожих представлениях о *дхарме*, чему и будет посвящён доклад. Кроме того, Савитри одолевает Яму с помощью своего красноречия, при этом каждый вариант сказания демонстрирует своё представление о слове, его сакральной силе. Это проявляется и в изобразительных средствах исследуемых текстов, в эпитетах и описаниях героев, что также будет показано в докладе.

Ю.Е. Федорова (ИФ РАН)

**Соотношение веры и знания:
философский анализ Муртазы Мутаххари**

В докладе будут рассмотрены взгляды Муртазы Мутаххари (1920–1979) — современного иранского мыслителя, крупного идеолога и сподвижника лидера исламской революции 1978–1979 гг. аятоллы Хомейни. Будет показано, что Мутаххари исходит из главенствующей роли религии в иранском обществе и рассматривает ислам как религию, опорой которой служит разум. Основное внимание будет сосредоточено на анализе проблемы веры (иман) и знания ('илм), предложенном Муртазой Мутаххари. Вера и знание у него не составляют дихотомического противопоставления. Они представляют собой два взаимодополняющих понятия и осмысливаются как соотношение категорий «внешнее – внутреннее» (*даруни – би-руни*). Муртаза Мутаххари полагает, что утверждение единства веры и знания может быть достигнуто в рамках т.н. «монотеистического мировоззрения» (*джаханбини-и тавхиди*). Знание трактуется как необходимое условие религиозной веры (*иман-и мазхаби*), которая понимается как важнейшее «конституирующее» начало в человеке, иранском обществе и исламском государстве. Муртаза Мутаххари обращается к проблематике веры и знания, которая получила развитие в разработанной концепции монотеистического мировоззрения, преследующей важную цель — обосновать принцип *тавхид*, утвердить единство и единственность Бога и тем самым заложить основы идеологии исламской республики.

М.В. Фролова (ИСАА МГУ)

Яванские реалии XVII в. в *Роро Мендут* Аипа Росиди

Доклад посвящён описаниям реалий Явы XVII в. на основе популярного фольклорного текста о любви Роро Мендут и Проночитро в литературной обработке Аипа Росиди (1960 г.). Изначально письменная фиксация фольклорного текста о красавице Роро Мендут датируется 1820 г. и представлена в сочинении Радена Нгабехи Ронггосутрасно, придворного поэта времен Паку Бувано V. Яванист К.Ф. Винтер подготовил печатное издание в Соло (1873), которое «улучшил» Мас Картосуброто в 1888 г. и издал в Семаранге. В 1898 г. автор китайского происхождения из Батавии, Ко Мо Ан, превратил текст в сценарий для театра *ваянг оранг*. В 1920 г. *Роро Мендут* публикуется издательством «Балэй Пустака», в 1930 г. выходит перевод на нидерландский язык (перевод и комментарии К.К. Берга и Маса Правироатмоджо). В 1932 г. осуществлен первый официальный перевод текста на индонезийский язык, выполненный Сухардо Состросувигньо и изданный также в «Балэй Пустака». Сунданец Аип Росиди создает свой авторский перевод-переложение *садуран*, основываясь на устном предании и предшествующих текстах. В синтаксическом и лексическом плане *Роро Мендут* 1960 г. содержит выражения и обороты, характерные для традиции, но при этом текст оптимален для современного читателя. «Любовный роман» снабжён глоссарием, так как лексика частично стилизована под яванскую старину. Аип Росиди сохраняет многие реалии времени действия, эпохи правления Султана Агунга, репрезентативной для понимания традици-

онной синкретической яванской культуры, уже познавшей ислам, но сохранившей доисламский уклад жизни и обычаи. Красочные сцены петушинных боёв, азартных игр, шумных попоек и пиров, придворных танцев, описания традиционной одежды, представлений оркестра *гамелан* и театра теней *ваянг*, воссоздают в слове неповторимую атмосферу яванского мира XVII в.

А.Г. Хайрутдинов
(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Проект независимого перевода образов Корана на русский язык и его особенности

В 2009 году под руководством А.Р. Бахтиярова была начата реализация проекта независимого перевода образов Корана на русский язык. «Независимый перевод образов» подразумевает методологический подход, согласно которому образы Корана раскрываются посредством самого Корана. Данный подход потребовал критического осмысления существующих переводов и тафсиров. Мы считаем, что такой подход повысил объективность перевода.

Данный методологический подход, кроме всего прочего, реализован в особой форме представления материала. На левой стороне каждого альбомного разворота расположена таблица, содержащая: 1) арабский текст Корана; 2) транслитерация арабских слов на кириллицу, 3) дословный перевод (подстрочник) каждого слова. На правой же стороне разворота располагается наиболее близкий к смысловому содержанию оригинала перевод образов соответствующего коранического фрагмента.

В 2013 году была издана первая часть перевода, включающая в себя первые 19 сур Корана, что составляет около половины от его общего объёма¹. В 2017 году в Интернете была размещена последняя редакция перевода 2013 года².

¹ Коран. Перевод образов с арабского языка с подстрочником и транслитерацией / Под ред. А.Р. Бахтиярова. В 2 томах. Т. 1. — М.: Вече, 2013. 1060 с. — ISBN 978-4444-1301-2.

² См.: <<https://m3ra.ru/2018/01/06/koran-1/>>

В настоящее время работа над переводом образов Корана близится к завершению.

Н.Ю. Чалисова (ИВКА РГГУ, ШАГИ РАНХиГС)

**«Пропавший Йусуф»:
о формуле *yūsuf-i gumgašta* в персидской газели**

Хорошо известно, что история Йусуфа, изложенная в Коране (сура 12 «Йусуф») и дополненная в *тафсирах* и рассказах о пророках, принадлежит к числу продуктивных коранических ресурсов персидской поэзии. В больших поэмах шла работа над смыслом этой истории в целом, а её сюжет в процессе нарративизации постепенно усложнялся и обрастал деталями; в лирике, особенно в газели, в процессе поэтизации отдельных элементов сюжета формировался «йусуфовский» кластер конвенционального языка. Такие выражения, как «рубашка Йусуфа», «колодец Йусуфа», «аромат Йусуфа», «глаза Йа'куба» и т.д., по мере накопления контекстов употребления на протяжении нескольких столетий семантически обогащались и трансформировались. В стихах поэтов «школы любви» (XIV в.) весь этот кластер иносказаний уже не только связан с породившим их кораническим сюжетом, но и соотносен с соответствующими узлами метасюжета любовной газели. Так, выражение «аромат Йусуфа» (*bū-yi Yūsuf*), от которого, согласно преданию, прозрел ослепший от слез Йа'куб, указывает в газелях поэтов хафизовского круга на весть от возлюбленного, которую получает лишь влюбленный, прошедший долгий путь страдания и скорби. Исследование характера семантических дериваций и смыслового наполнения подобных формул – одна из задач герменевтики персидской газели.

В докладе речь пойдет о выражении *yūsuf-i gumgašta* «пропавший Йусуф». Это словосочетание ввел в поэтический

обиход Амир Хусрав Дихлави (1253–1325), а в газелях Хаджу-йи Кирмани (1280–1352) оно употребляется многократно и приобретает завершенность поэтической формулы, обозначающей «сгусток смысла», который и будет основным предметом обсуждения в докладе. Шамс ад-дин Мухаммад Хафиз (1325–1389), состоявший с Хаджу в поэтической переписке, использовал эту формулу Хаджу всего однажды, но зато в знаменитой газели «Пропавший Йусуф вернется в Кан'ан, не печалься ...» (№ 255 по редакции Казвини). Этот *бейт* вошел в пословицу, которой утешают всех разлученных с любимыми, а также вызвал множество разноречивых комментариев из-за расхождения с коранической историей, в которой Йусуф не возвращается на родину. В завершение я предложу свой вариант его возможной трактовки в интертексте газелей Хаджу.

Н.А. Чеснокова (РГГУ, НИУ ВШЭ)

**«Пэктусанский большой ствол» *Пэкту тэган*
в корейских историко-географических сочинениях
XVII–XVIII вв.¹**

Исследование посвящено изучению «Пэктусанского большого ствола» (*Пэкту тэган*). Впервые идея *Пэкту тэган* появляется в XVII – XVIII вв., и суть её в том, что все горные гряды Корейского полуострова предстают связанными с горой Пэктусан – самой большой из всех гор полуострова. Идея *Пэкту тэган* впервые была озвучена в произведении «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) опального учёного Ли Джунхвана (1690–1756?), вскоре приобрела популярность и была «доработана» в труде «Описание гор» (*Сангёнхё*, ?), приписываемом придворному географу Син Гён-джуну (1712–1781). Идея о единстве гор повлияла на восприятие всего полуострова как единого организма. В начале XX в., перед японской колонизацией, она будет развенчана японскими географами; но корейцы так и не откажутся от неё, и вплоть до настоящего времени *Пэкту тэган* представляется как один из символов Объединённой Кореи.

В докладе рассматривается непосредственно сама концепция и её доказательная база, а также поднимается вопрос о роли *Пэкту тэган* в формировании нового культурного

¹ Исследование осуществляется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–39–00158 «"Освоение" и "присвоение" пространства: формирование корейской этнической самоидентичности в XVII–XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона»).

пространства в Дальневосточном регионе в XVII–XVIII вв. в условиях подъема корейского самосознания и отказа от навязываемой извне культуры цинского Китая. Источниками для написания статьи служат непосредственно географические труды XVII–XVIII вв. (в частности, «Описание избранных деревень» и «Описание гор»), корейские королевские летописи «Истинные записи [правления] династии Чосон» (*Чосон ван-джо силлок*), а также корейские географические карты.

Я. Эшотс

(Институт исмаилитских исследований, Великобритания)

Существовала ли «исфаханская школа»?

Термин «исфаханская школа» был введён в научный оборот Анри Корбэном в 1950-х годах¹. Корбэн подразумевал под этим философско-гностическое движение, опекаемое Шахом Аббасом I и процветавшее в эпоху его правления (1588–1629). По мнению Корбэна, ключевые фигуры этой школы — Мир Дамад (ум. 1631 или 1632) и Мулла Садра (ум. 1640) — оказали решающее влияние на последующее интеллектуальное развитие Ирана. Исследованию этой школы Корбэн посвятил много усилий, ознакомив французского читателя с трудами Муллы Садры и его современников. Тем самым — что немаловажно — Корбэн опроверг мнение Эрнеста Ренана (1823–1892) об интеллектуальном упадке мусульманского Востока после смерти Ибн Рушда.

Впоследствии (с 1960-х гг.) термин «исфаханская школа» стал применяться в искусствоведении, истории архитектуры и музыки и в литературоведении. Специалисты разных областей литературы и искусства подразумевают под этим термином разные школы и стили: так, историки живописи понимают под ним школу Риза Аббаси (ум. 1635); литературоведы — школу Саиба Тебризи (ум. 1677), и т.д. Представители этих школ следовали некоторым общим стилистическим ка-

¹ По всей очевидности, термин впервые был употреблён в статье *Henry Corbin*, «Confessions extatiques de Mîr Dâmâd, maître de théologie à Ispahan» // *Mélanges Louis Massignon*. Damascus: Institut Français de Damas, 1956, t. 1, pp. 278–331.

нонам и разработали несколько специфических художественных приёмов — поэтому, возможно, применительно к искусству и литературе (поэзии) более уместно говорить об «исфаханском стиле» (а не о школе).

Но как обстоит дело в области философии? Согласно расхожему мнению, Мулла Садра был самым выдающимся учеником Мира Дамада, учение которого он развил и усовершенствовал. Однако на деле Садра отверг все ключевые положения учения Дамада — в частности, учение о метавременном создании (*ал-худус ад-дахри*) и положение о сотворённости «чтойности» (*мадж'улиййат ал-махийа*). В свою очередь, ключевые элементы доктрины Садры (учение о субстанциальном движении и положение об аналогичной градации бытия) были недвусмысленно отвергнуты Дамадом.

Итак, Садра некоторое время был учеником Дамада, но определённо не входил в его ближний круг. (Примечательно, что сохранилось несколько писем Садры к Дамаду, в которых он превозносит Дамада, но нет ни одного письма Дамада к Садре.) Неизвестно, получил ли он *иджаза* (формальное разрешение на преподавание) от последнего. Учитель и ученик не разделяли ключевые философские убеждения друг друга.

Вправе ли мы утверждать, что Мир Дамад и Мулла Садра представляют единую философскую школу? Думается, что нет: можно говорить лишь об их принадлежности к позднеавиценновской (*пост-Давани*) философской традиции в широком смысле.

А.А. Янковская (МАЭ РАН)

**«Известия о Китае и об Индии» и не только:
малайско-индонезийский регион
в арабском источнике IX–X вв.**

«Известия о Китае и об Индии» — один из самых ранних арабских текстов, упоминающих острова Малайского архипелага и Малаккский полуостров. Сочинение, состоящее из двух частей — анонимного текста, датируемого серединой IX в., и текста X в. авторства Абу Зейда ас-Сирафи — содержит разнообразные сведения о восточных берегах Индийского океана. Среди них — свидетельства не только об Индии и Китае, но и описания портов и островов, расположенных вдоль морских путей через Юго-Восточную Азию. «Известия» отражают расцвет ближневосточного судоходства и торговли в Индийском океане в аббасидский период и, наряду с китайскими династийными хрониками, входят в число наиболее ранних письменных источников по истории и исторической географии малайско-индонезийского региона.

Обе части сочинения содержат сведения о западной части малайского мира — Суматре, Яве и Малаккском полуострове, вдоль берегов которых пролегали торговые пути в Китай. В первой части «Известий» можно найти описания маршрутов ближневосточных кораблей через Бенгальский залив, Малаккский и, возможно, Зондский проливы, в то время как дополнение Абу Зейда содержит интересный исторический рассказ о походе Шайлендров на Камбоджу, вероятно, восходящий к концу VIII в. В докладе будут рассмотрены эти свиде-

тельства, а также упоминаемые в них топонимы, применявшиеся средневековыми арабскими географами и путешественниками к островам Малайского архипелага и побережью Малаккского полуострова.

* * *

